

На фоне нынешних шлягеров-однодневок (утром услышал, вечером забыл) многие песни на слова поэта Николая Доризо воспринимаются как удивительные долгожители. В самом деле, в каких только компаниях не поют и сегодня «На тот большак, на перекресток...» Недавно за одну неделю можно было услышать эту задуманную песню по радио и телевидению в исполнении Клавдии Шульженко и Людмилы Гурченко, Тамары Сивянской и Аллы Пугачевой. Естественно, каждая артистка трактовала ее по-своему, но звучала она редкостью свежо. А ведь написана была вместе с композитором Марком Фрадкиным более тридцати лет назад — к кинофильму «Простая история».

Доризо — не только известный поэт, автор любимых народом песен. Он и прозаик, драматург, публицист. Однако беседу нашу мы начали с разговора о судьбах отечественной песни.

— Скажите, Николай Константинович, вас не тревожит состояние российской песни сегодня?

— Тревожит. Эти однообразные, бьющие по голове ритмы, полное отсутствие мелодии, зачастую крайне примитивные, а то и пошлые слова. Нет, не считайте меня ретроградом. Я понимаю: каждое время диктует свои вкусы, и от моды тоже нигде не уйдешь. Более того, в некоторых сегодняшних песнях различаю талантливых авторов. Понимаю и влияние зарубежной песни, свободно переходящей государственные границы.

Но вот вопрос: почему влияние идет только в одну сторону? Почему на нас влияют, а мы — нет? Когда-то Андрей Малышко написал: «Выходила на берег «Катюша», за великий Тихий океан». Действительно, весь мир (без преувеличения!) пел нашу прекрасную «Катюшу». А «Подмосковные вечера»?..

Секрет же, по-моему, вот в чем. Верно говорят, что песня — душа народа, только, замечу, эту душу надо уметь выразить. Далеко не всегда удается. И появляются тогда какие-то внешне национальные подделки, в которых нет ни души, ни сердца. Между тем, когда мы поем свое, родное, от сердца идущее, мы особенно чувствуем себя народом.

— В ваших лучших работах мне дорога крепкая и органическая связь с русской народной песней. С ее традицией, ее драматургией. «Помнишь, мама моя» — это же целая драма! Или «Ну что ж сказать, мой старший друг», «Давно не бывал я в Донбассе», «Взрослые дочери», «Почему ж ты мне не встретишься». Все это песни сюжетные, достойные целой пьесы или романа. Таковы и народные — «Степь да степь кругом» или «Что стоишь, качалась, тонкая рябина...»

— Кстати, любимая песня моей бабушки, Марии Назаровны. Да и моя тоже. Народные это

песни, правильно, только у слов их был ведь конкретный автор — крестьянин Иван Суриков. У «Коробейников» — Некрасов. Но многие, кто поет их сегодня, этого уже и не знают, не помнят: конкретное авторство как бы растворилось в народе. Считаю, это для любого поэта — величайшее счастье! И знаете, я испытывал его. Помните, в фильме Шукшина «Печки-лавочки» его земляки поют в застолье одну за другой старинные народные песни? А потом вдруг запевают: «Огней так много золотых на улицах Саратова...» Вон как получилось: песня, написанная для одного фильма — «Дело было в Пенькове», перекочевала в другой, пошла гулять по свету, потеряв авторство. И прекрасно!

— В чем же вы видите причину сегодняшнего кризиса нашей отечественной песни?

— Это частица того, что происходит в целом с нашей литературой, культурой, с духовной жизнью общества. А они — совершенно очевидно! — находятся в состоянии крайнего упадка. Началось же, мне думается, с той чудовищной расправы над нашей историей, особенно советской, которая была учинена в годы так называемой перестройки.

Да, страна пережила немало кровавого и трагического. Я на себе это испытал: мой отец был невинно расстрелян в 38-м. Но рядом со злом жило добро — это я тоже по себе знаю: сколько замечательных, душевно чутких и отзывчивых людей поддерживало меня тогда! Наряду с коварными, низменными делишками вершились поистине великие дела. А у нас нынче в приступе непонятного для меня политического мазохизма, какого нигде и никогда не бывало, оказалось перечеркнутым в нашем прошлом все — и плохое, и хорошее. Вера оказалась зачеркнутой. Вера не только в коммунизм — вера в добро и справед-

ливость, в наш народ, в свою Родину. Без веры же нет надежды. Без веры нельзя жить. И, конечно, нельзя творить, писать книги или создавать песни. Вот и получилось, что наша пишущая братия, принявшая активное участие в преступной расправе над родной историей (увы, Родина в суд на клеветников подать не может), как бы наказывает сама себя.

В самом деле, иногда сравнивают «перестройку» с революцией. Но тогда, сразу после страшной трагедии гражданской войны, в нашей стране родилась огромная литература, которая буквально покорила мир. Вспомните хотя бы «Тихий Дон» Шоло-

вова или «Разгром» Фадеева. Вспомните Алексея Толстого, Булгакова, Леонида Леонова, Бабеля... Я уж не говорю про поэзию, для которой эта трагическая эпоха стала временем неслыханного взлета.

— В советском кино тогда же появились Эйзенштейн и Пудовкин, Довженко и Кулешов. Сегодня восемь лет минуло с начала «перестройки», а как раз через восемь лет после Октября, в 25-м, вышел на экраны «Броненосец «Потемкин», признанный кинолито́й мира лучшим фильмом всех времен и народов...

— Ну вот. А где сейчас хоть что-нибудь близкое в нашей литературе и искусстве? Мы даже текст российского гимна уже три года не можем создать. Что, неужели у нас нет слов любви к нашей Родине, к России?

Я сейчас пишу роман о Смутном времени. И, вникая в исторические документы, вижу: как многое из того далекого века перекликается с днем нынешним! Народ наш тогда тоже потерял веру в правителей и в себя, а в результате встал вопрос — быть или не быть самому народу русскому?

Рот и сегодня. Смотрю по телевизору известного философа Александра Зиновьева, и он,

говоря о пугающе разросшейся в мире русофобии, оказывается, не исключает, что русский народ может исчезнуть с лица земли. Честно скажу, у меня в минуту отчаяния тоже родились горькие строки:

Неужто тот день на планету придет
В своем безнадежном исходе,
Тот день, когда будет
не русский народ,
А память о русском народе?

— Такая крайняя степень песимизма? Николай Константинович, право, это же невыносимо тяжело!

— А я спорю с собой. Гово-

до анекдота». Это в прозе. Сборник же стихов и песен сдаю в издательство «Современный писатель». Название тоже говорит само за себя: «Но как на свете без любви прожить?»

Любовь есть величайший двигатель созидания, как ненависть, ее сатанинский антипод, есть двигатель разрушения. А в нашем обществе сегодня возоблада, причем в небывалых масштабах, именно ненависть. Разобщающая и сталкивающая людей, разрушающая все вокруг. Советский Союз разрушен — начинается расплодиться по швам теперь и Россия. Разрушается экономика. О духовной жизни я уже говорил — здесь тяжелей-

время на Ленина или на Брежнева. Пора думать, где наши собственные ошибки, и спасти, спасти Отечество, которое оказалось перед катастрофической бездной.

Почему до такой степени прижат у нас авторитет государства? Ничто так не развращает нацию, как безответственность и вседозволенность. Понимаем ли мы, что беспредел безнаказанности — воистину гибельная раковая опухоль любого общества? Я верю, что человек рождается с добром или со злом. Но задача государства — создавать такие условия, чтобы подлец не стал подлецом, убийца — убийцей, палач — палачом.

общении, и в печати Симонов и Твардовский, Светлов и Смеляков). Хороший творческий настрой, при всей их некоторой парадности, давали декады братских литератур в союзных республиках. Ныне республики расколоты, и мы, писатели, — тоже. Кому это горе на пользу?

Нет, не могу согласиться с ложными утверждениями, что была империя и не было никакой дружбы народов. Я, дышавший воздухом той эпохи, с полной ответственностью свидетельствую: дружба была, искренняя, настоящая. И Союз писателей создавался не в угоду власти имущим — он стал выражением этой дружбы, следствием ее необходимости, хотя, конечно, было и немало фальшивой помпезности, слащавого лицемерия, казенной показухи. Но при этом делалось великое дело: Пастернак блистательно, смею сказать — гениально переводил грузина Бараташвили, молодого кавказец из затерянного в горах аварского аула Расул Гамзатов с помощью волшебного микрофона — русского языка стал известен всему миру... В братских застольях, в откровенных беседах о самом деле нас насыщали мы дружили не потому, что нам приказывали дружить.

— Дорогой Николай Константинович, 22 октября вам исполняется 70 лет. Грядет ваш юбилей. Позвольте от имени «Правды» и ее читателей заранее поздравить вас.

— О, такое поздравление мне очень дорого! Многие годы печатаюсь в «Правде», всегда выписываю.

— А что нового предложите нашим читателям сегодня?

— Строки о Родине. Это из песни к новому фильму Сергея Бондарчука «Тихий Дон», которую мы написали с композитором Евгением Птичкиным. Немного переиначиваю лишь несколько слов, а переключку времени вы сами почувствуете:

Земля родная истомилась,
В людской крови Кавказ седой,
На нашу Русь, как Божью милость,

Да ниспошли, Господь, покой.
На эти нивы и поляны
Да ниспошли, Господь, покой.
Страшней всех засух океанных
Степной пожар вражды

людской.
В годину смуты и разврата
На изувеченной земле
Да не осудят братья брата
В своей беде, в своей семье.

Беседу вел
Виктор КОЖЕМЯКО.

Николай ДОРИЗО:

1909 г.р. — 1993. — 29 сент. — с. 4

«Но как на свете без любви прожить»

хова или «Разгром» Фадеева. Вспомните Алексея Толстого, Булгакова, Леонида Леонова, Бабеля... Я уж не говорю про поэзию, для которой эта трагическая эпоха стала временем неслыханного взлета.

— В советском кино тогда же появились Эйзенштейн и Пудовкин, Довженко и Кулешов. Сегодня восемь лет минуло с начала «перестройки», а как раз через восемь лет после Октября, в 25-м, вышел на экраны «Броненосец «Потемкин», признанный кинолито́й мира лучшим фильмом всех времен и народов...

— Ну вот. А где сейчас хоть что-нибудь близкое в нашей литературе и искусстве? Мы даже текст российского гимна уже три года не можем создать. Что, неужели у нас нет слов любви к нашей Родине, к России?

Я сейчас пишу роман о Смутном времени. И, вникая в исторические документы, вижу: как многое из того далекого века перекликается с днем нынешним! Народ наш тогда тоже потерял веру в правителей и в себя, а в результате встал вопрос — быть или не быть самому народу русскому?

Рот и сегодня. Смотрю по телевизору известного философа Александра Зиновьева, и он,

рю: ведь нашел в себе силы русский народ в Смутное время, чтобы подняться с колен, и, вчера еще разрозненный, растерзанный, стеной стал против врагов за единство Руси. Ведь пришли Минин с Пожарским!.. И тогда пишущие иные слова:

Правители всех рангов и чинов,
Запомните основу из основ:
Покорны, терпеливы мы

Однако вдруг, став яростной толпой,

Ни от чего так не звереют люди,

Как от своей покорности слепой.

Что там говорить, терпение есть в русском народе. Вот это: «Мы привыкли...» Но — до поры до времени! В народе нашем есть — и гораздо более мощное — совсем другое начало: то самое, которое помогало ему побеждать в величайших войнах, защищая Отечество. Думаю, он и нынче воспрянет, обязательно изменит свое униженное, нищенское положение. Только какой ценой...

— Николай Константинович, вы много писали о любви. Можно сказать, это главная тема вашего творчества.

— И сейчас работаю над «Книгой о любви. От трагедии

ший кризис. Спрашивается: как же нам жить дальше?

Взаимная ненависть и ожесточенность ведут в тупик. Ведут к большой крови. И она уже льется рекой по окраинам бывшего Союза. Кровоточит кое-где и русская земля.

Недавно я пережил большую личную драму: погиб дорогой мне человек, с которым я дружил больше двадцати лет, — Виктор Поляничко. Он погиб как полпред своей Родины, пытаясь защитить и помирить людей.

— Между тем некоторые газеты травили его, представляя прямо-таки монстром, злодеем. Словно накликавали беду.

— Это особенно больно! Я-то знаю, какой удивительной души человеком он был. Честный, добрый, талантливый. Писал хорошие стихи. Любил людей — настоящий гуманист. Но вот не простили ему, что был партийным работником. Партократ, так сказать. Привычно нынче клеить ярлыки. Но сколько таких «партократов», не щадя себя, в ночь полночь работали во имя людского блага! Своими глазами я это видел много раз...

Вообще, хватит же нам оправдывать сегодняшние наши беды ошибками и просчетами вчерашнего дня. Бесчестно кивать все

А почему наше государство и дело бросает соотечественников на произвол судьбы, оставляет их в положении заложников? Американцы вон по одному подозрению в покушении на бывшего президента обрушивают ракетный удар на Багдад. Не надо уподобляться им, но твердо отстаивать свои государственные интересы в международной сфере необходимо. Или спасут нас «голубые беретцы»? Не хочу, чтобы чужеземные солдаты пришли на мои улицы.

— Скажите о творческом самочувствии писателя Доризо.

— Есть острое ощущение одиночества. Когда-то Маршак сказал мне, что поэт — суверенная держава. Независимо от масштаба — княжество Лихтенштейн или Китай, но все равно держава. Однако суверенной державе тоже нужны товарищеские связи, творческое общение. У нас же среди писателей они сейчас почти полностью утрачены. Писательских союзов стало два вместо одного, а бывлой творческой атмосферы нет. Ее создавали и регулярные обсуждения работ друг друга, и встречи мэтров с молодыми — на равных (меня, начинающего поэта, в свое время по-отечески поддерживали и в жизненном сердечном